

А.А. Худяков

В ПОИСКАХ СЕМАНТИКИ

Проблемы семантики стали объектом пристального внимания лингвистов в 70–е годы XX столетия в период так называемого “семантического взрыва”, обусловленного разочарованием, как в идеях структурализма блумфилдианского толка, так и в концепции асемантической трансформационно-порождающей грамматики раннего Хомского. Появившееся за последние три десятилетия количество работ, как по общим вопросам семантики, так и по частным её проблемам, воистину не поддаётся обзору, однако, и по сей день не достигнуто сколько-нибудь ясного и общепринятого понимания сферы приложения усилий семасиологов. Иными словами и поныне вопрос о том, что есть семантика не является ни риторическим, ни самоочевидным. Сказать, что семантика есть вся содержательная сторона языка и, с другой стороны, отрасль науки эту сторону изучающая (семасиология), значит сказать и много и мало. Много, потому что в самом общем виде такое утверждение не вызывает, по-видимому, особых возражений; мало, потому что понятие содержательной стороны языка само нуждается в объяснении и конкретизации. Семантика в обоих указанных значениях будет интересовать нас в настоящей работе.

Прежде всего, вспомним то немаловажное обстоятельство, что “семантика” изначально термин логический, введённый в научный обиход американским логиком Ч.С. Пирсом. Пирс не был лингвистом и стремился создать семиотическую теорию, пригодную для универсального приложения, а вовсе не ориентированную на язык. Вполне правомерным поэтому будет наше обращение к логике в поисках ответа на вопрос о том, где коренятся методологические трудности анализа семантики языковой.

Стало общим местом указывать на то, что логика изучает законы мышления. Гораздо меньшее внимание, однако, обращается, как правило, на то, в каком ракурсе логика исследует свой предмет. В литературе неизменно отмечается, что логику интересует никак не содержание, а формы правильного мышления. У Н.И. Кондакова, ссылающегося на мнение ряда специалистов в данной науке, например, Э. Мендельсона, Э. Кольмана, О. Зиха – находим следующее понимание специфики логического познания: логика есть анализ методов рассуждений, при этом, изучая эти методы, логика интересуется в первую очередь формой, а не

содержанием доводов в том или ином рассуждении. “Современная символическая логика сохраняет полностью важнейшую характеристическую черту формальной логики – она не рассматривает содержание мыслей, а рассматривает только их форму. Как и традиционная логика, символическая логика расчленяет мышление, как бы анализирует его, сводит его к комбинациям простейших элементов. Оставаясь всё-таки формальной, она не в состоянии охватить действительность во всей её полноте” [см. Кондаков, 1976: 285, 287]. Показательно в связи с этим мнение В.И. Свинцова, который характеризует логику как науку об общезначимых интеллектуальных операциях разного рода, рассматриваемых со стороны их формальной корректности [Свинцов, 1987: 16]. Для логики основной интерес представляет формализация мышления, т.е. совокупность исследовательских процедур, посредством которых удаётся абстрагироваться от содержательной стороны мышления и сделать объектом изучения его форму [там же: 8].

Чрезвычайно существенным является и то, какого рода иллюстративный материал привлекается в ходе научного анализа. Для логики нового времени таким материалом стала служить математика, и синтез этих двух наук отнюдь не случаен. Так, В.И. Свинцов считает необоснованным даже само противопоставление традиционной (идущей от Аристотеля) и математической логик, поскольку вторая является естественным продолжением и развитием первой. В основе обеих логик лежит формализация мышления; разница состоит в степени его разработки, в уровне абстрагирования от содержательной стороны мышления. Математическая логика есть традиционная формальная логика в наиболее завершённом, законченном виде; степень её отвлечения от содержательной стороны мышления такова, что для возврата к “исходной точке” требуется специальная процедура, называемая интерпретацией [Свинцов, 1987: 17]. По мнению В. Зегета, в настоящее время логикой также больше занимаются математики, чем философы, применяется она больше в математике, чем в других науках, а современный учебник по формальной логике больше похож на математический труд, чем на философский [Зегет, 1985: 15]. Показательны в этой связи попытки некоторых логиков, в частности, Г. Фреге, Б. Рассела и А. Уайтхеда вообще свести всю математику к логике, стереть всяческие границы между этими двумя науками. Так, Рассел в одной из своих работ 1924 года пишет: “Логика стала математической, математика логической. Вследствие этого сегодня совершенно невозможно провести границу между ними. В сущности, это одно и то же. Они различаются как мальчик и мужчина: логика – это юность математики, а математика – это зрелость логики” [цит. по Гетманова, 1995: 359–360]. Итак, для того, чтобы уяснить природу трудностей, связанных с логической проблематикой, необходимо хотя бы кратко охарактеризовать область знания, называемую математикой.

А.Ф. Лосев, посвятивший рассмотрению данного вопроса специальную работу, цитирует слова видного математика А.Н. Колмогорова, считающего, что математика как наука изучает только отношения, безразличные к конкретной природе связываемых ими объектов. Солидаризуясь с данным мнением, Лосев отмечает, что математическое обозначение имеет своим предметом те или иные системы бескачественных отношений при условии однородности, неизменности и неподвижности как самих этих отношений, так и составляющих их элементов. Сравнивая математику и язык, Лосев приходит к убеждению, что количественные акты полагания, свойственные математике, полная их бескачественность и строгая системность ровно ничего существенного в языке не выражают. К тому же в сравнении с неподвижностью математического предмета язык находится в состоянии непрерывного изменения и развития [Лосев, 1970: 187–188]. В то время как математическое обозначение имеет своим предметом то или иное, всегда одноплановое количественное отношение, обозначение языковое всегда имеет своим предметом ту или иную многоплановую структуру, в которой один план ни в какой мере не сводим к другому плану [там же: 192–193]. Идея многоплановости, неоднозначности единиц естественного языка в сравнении с формальными искусственными языками, например, языками математических дисциплин, обосновывается Н.В. Перцовым [Перцов, 1998: 3]. Говоря об отношениях лингвистики и математики, Г.В. Степанов предупреждает лингвистов о том, что они должны учитывать то обстоятельство, что математики имеют дело с точной аппроксимацией, а лингвисты работают на основе аппроксимативной точности. Математику достаточно иметь неполное описание, языковед, напротив, может удовлетворить только полное, исчерпывающее описание. При этом математик вообще весьма редко интересуется проблемой с тех же позиций, с каких к ней обращается лингвист, он нередко так группирует факты языка, что лингвист с трудом распознаёт свой объект. Математик может иногда отказаться от разработки проблемы, которую сформулировал нематематик, например, лингвист. Он почти всегда сравнивает свойства исследуемого объекта с другими объектами, лингвист же стремится выявить и описать, прежде всего, свойства самого объекта (языка). Языковед, как указывает Степанов, не может воспользоваться математической формулой для исследования языка, так как математика есть особый способ осмысления фактов. Проникнув в область языка, она может привести к следующим нежелательным результатам: если языковед передоверяет свой объект (язык) математике, то язык становится “естественнонаучным” объектом. Если же, с другой стороны, языковед использует математический аппарат в специфически комплементарных целях, связанных с задачами прикладной лингвистики, то возникает опасность свести математику до примитивного уровня,

а, пройдя этот этап исследования, снова оказаться лицом к лицу с труднейшей задачей, которая заключается в “точном” описании языка [Степанов, 1988: 53–54].

Об этом же, по сути, пишут и чешские исследователи, отмечающие, что лингвистика ни в коем случае не может быть сведена к математике, поскольку между естественным языком и формальным языком логики существует огромная разница. Эта разница коренится в том, что язык является естественным и существует до и независимо от приложения научной мысли, в то время как формально-логические языки как раз являются результатом исследовательского осмысления. Таким образом, эмпирические вопросы лингвистики не имеют прямых аналогий в математике [Sgall, Hajičová, Panevová 1986:10].

Думается, что при подобном положении дел, нет никаких оснований ожидать, что семантика, возникшая в лоне логики как науки формально-математической, будет хоть в сколько-нибудь существенной степени иметь отношение к реальности языка, как сущности, отражающей и выражающей нормы сознания. Ведь природа сознания и языка, как его объективации, с одной стороны, и природа математики, с другой, не только не тождественны, но и разнятся целым рядом существенных свойств. Во-первых, как было показано выше, математику интересуют лишь количественные полагания и правила операций с ними; напротив, естественное сознание и обыденное мышление человека, являющиеся и в филогенезе и в онтогенезе почвой для возникновения и развития языка, ориентированы прежде всего на качественную сторону мира, на отражение и познание действительности в её качественной определённости. Во-вторых, математическое мышление, в отличие от наивного обыденного мышления, являющегося средой возникновения естественного языка, ни в коей мере столь же естественным быть признано не может. Оно есть результат специальным образом организованного обучения умению оперировать мыслительными конструктами и правилами, имеющими сугубо конвенциональный характер. Возникая онтогенетически естественным путём в процессе межличностного общения и взаимодействия с окружающим предметным миром, родной язык без видимых усилий и специально организованной программы обучения становится достоянием индивида в объёме, вполне достаточном для его (индивида) социализации. Математические же знания схожим образом не возникают – не будучи переданы индивиду посредством искусственно созданной методической среды, они не могут быть освоены им подобно языку. В-третьих, математика оперирует величинами абстрактного характера, в то время как мышление человека изначально конкретно, мыслительные и языковые абстракции становятся доступными сознанию индивида лишь на определённой, достаточно высокой ступени его ментального развития и носят, хотя и чрезвычайно важный, но всё же хронологически вторичный характер по отношению к мышлению конкретному. Последнее, безусловно, не исчезает с возникновением и развитием

способности к абстрагированию, не отменяется, а дополняется ею. Это третье различие между математическим и естественным мышлением (и языком) представляется настолько важным, что требует дополнительного пояснения.

Для математики и логики выражения типа “2 больше, чем 1” будут непреложной истиной в силу именно того факта, что цифрами выражаются числовые, т.е. количественные абстракции с абсолютно выхолощенным предметным содержанием, и именно как таковые они не вызывают возражения и выполняют полезную математическую функцию, для которой они и были созданы. Однако, как только мы попытаемся приписать данным числовым абстракциям некоторые конкретные предметные значения, “увидеть” сквозь них онтологический мир, непреложность истин, типа “2 больше, чем 1” исчезает. Например, 2 стола будут больше, чем 1 карандаш, но 2 карандаша не будут больше, чем 1 стол. Но для математики числовые абстракции, выражаемые цифрами – лишь первый шаг по пути абстрагирования. Следующим шагом является введение буквенных абстракций типа “если a больше b , то b меньше a , если a рядом с b , то b рядом с a ” и т.п. И эти абстракции не вызывают сомнений, но лишь до тех пор, пока сквозь них не начнут проступать конкретные онтологические объекты. Так, если выражение “если стол стоит рядом со стулом, то стул стоит рядом со столом” вполне укладывается в выше приведённые логико-математические формулы и может служить их иллюстрацией, то почему выражение “если велосипед стоит рядом с домом, то дом стоит рядом с велосипедом” воспринимается как аномальное? Почему при каноничности языковых выражений типа “стол стоит на полу”, выражение типа “пол лежит под столом”, что является с логико-математической точки зрения обозначением абсолютно симметричных конверсивных и потому равноправных и тождественных пространственных отношений, вовсе не являются естественными, а, напротив, кажутся по меньшей мере странными? Ответ на эти и другие подобные вопросы даёт когнитивная лингвистика, позаимствовавшая и развившая идею гештальт-психологии о фигурно-фоновом принципе перцепции и концептуализации объектов внешнего мира [см. напр. Ungerer, Schmid, 1996; Rudzka-Ostyn, 1988; Langacker, 1990a; Langacker, 1987, Talmy, 1987 и др.]; математике, как и формальной логике справиться с такими кажущимися парадоксами живого человеческого мышления и языка оказывается не под силу.

Итак, как ни старайся, а увидеть в математике нечто похожее на семантику, т.е. отношение знака к миру, что является одной из исследовательских задач семиотики, никак не удаётся. Видимо, не в последнюю очередь в силу осознания этого факта логики школы аналитической философии в конце XIX – начале XX веков переключили своё внимание на естественный язык, сделав его объектом логического анализа и добившись на этом пути немалых интересных результатов. Большим теоретическим подспорьем для логического анализа языка явилось

возникновение в начале XX века лингвистического структурализма и обоснование им знаковой природы языка [Соссюр, 1977]. Коль скоро язык есть система знаков, а любой знак с точки зрения семиотики характеризуется наличием семантической составляющей, представлялось весьма соблазнительным и перспективным эксплуатация материала естественного языка для иллюстрации качественных параметров и механизмов функционирования знаковых систем вообще. Заметим, что при этом понимание семантики оставалось сугубо логическим, а именно как семантики условий истинности (см. напр., [Huang, May, 1992: VII–VIII]). Соединив два указанных аспекта семантики – семантика есть отношение знака к миру и семантика есть условие истинности – получаем следующую интерпретацию семантики в рамках аналитического подхода: семантика есть выражение условий истинности суждения, переданного средствами языкового выражения. Таким образом, логическая семантика и как теория референции и как теория смысла во главу угла ставит исследование истинностных аспектов языковых выражений. На этом пути, однако, она сталкивается с серьёзными методологическими трудностями, проистекающими из онтологических свойств естественного языка.

Дело в том, что язык оказался куда более капризным объектом приложения усилий логиков, чем традиционно использовавшаяся для этих целей математика. Указанная выше специфика естественного языка в противопоставленность математике постоянно давала о себе знать при попытках подвергнуть его логическому анализу. Так, язык оказался раздражающе алогичен во многих своих проявлениях и на разных уровнях своей организации. Немецкий логик В.Зегет к числу недостатков естественного языка относит следующие: 1. Слова естественного языка со временем постепенно и почти незаметно меняют своё значение; 2. В естественном языке часто бывает, что одно слово одновременно имеет два или более различных значений и одновременно обозначает различные предметы, но бывает также, что различные слова имеют одно и то же значение, обозначают один и тот же предмет; 3. Значение слов естественного языка часто бывает расплывчатым, неопределённым, т.е. не всегда можно сказать об определённом предмете, что слово обозначает именно его; 4. Употребляемые грамматические правила построения выражений естественного языка в логическом смысле также несовершенны, не в любом случае можно определить, имеет данное предложение смысл или нет. Показателен в этой связи призыв Зегета к искоренению вышеперечисленных “недостатков” языка [Зегет, 1985: 26–27]. Заметим, что данный перечень “недостатков” языка с точки зрения логики, отнюдь, не полон и с лёгкостью может быть продолжен, например, за счёт таких его свойств как способность к трансформациям, транспозициям, перефразированию, тавтологии, плеоназму, семантическим декомпозициям и свёрткам, тропеизму, имплицитности, нестабильности и

неконечности значений и др. Эти особенности языка, служившие основанием для упреков в его несовершенстве, в рамках современной лингвистической парадигмы осознаются как неслучайные, значимые и содержательно наполненные [Никитин, 1997: 7].

Что касается непосредственно семантики, то, как было сказано выше, её исследование было сведено логиками аналитической школы к анализу условий истинности пропозиции, выраженной в высказывании. Но и здесь язык проявил неуступчивый характер. При ближайшем рассмотрении оказалось, что люди могут делать идеальные по логической форме, но заведомо ложные суждения. Вдобавок, во весь рост встала проблема анализа в терминах “истинно/неистинно” произведений художественной литературы. Эти последние, являя собой художественный вымысел, продукт воображения автора, не представлены вместе с тем, как ложные, противоречащие действительности. Стремление разрешить парадокс, заключающийся в одновременной истинности и неистинности художественного произведения, а также постановка в повестку дня логики проблем модальной семантики (семантики возможности и необходимости) и проблемы интенциональных контекстов, привело логиков к ряду искусственных для природы языка решений, центральным из которых было выдвижение теории семантики возможных миров. Суть этой теории, выдвинутой ещё несколько столетий тому назад И.Д. Скотом и Г.В. фон Лейбницем и возрождённой в современной логике С. Крипке и Р. Монтегю, ясно изложена современным новозеландским логиком М. Крессвеллом: возможный мир – это такой, которого нет, но который мог бы быть. Используя в качестве примера текст романа Ч. Диккенса “Посмертные записки Пиквикского клуба”, Крессвелл задаёт вопрос: «Существовало ли в реальности всё то, о чём говорится в романе?» И сам отвечает: «Не существовало, но могло бы существовать в одном из возможных миров – мире, созданном воображением Ч. Диккенса, - поэтому мы принимаем за исходное допущение, что суждения данного текста истинны, хотя и знаем, что это не так» [Cresswell, 1988, Cresswell, 1996]. В лингвистике рефлексам идеи семантики возможных миров явились многочисленные работы, как правило, стилистического направления, посвящённые исследованию таких конструктов сознания, как мир персонажа, мир рассказчика, мир автора, мир героя и т.п. Количество возможных миров объявляется принципиально неограниченным, а раз так, то сложно говорить о наличии каких-либо закономерностей корреляции их с единственным непреложным (онтологическим) миром. Как справедливо указывает О.В. Трунова, проблема истинности/ложности высказывания, коренная для теории семантики возможных миров, является irrelevantной для лингвистики, так как в языке не существует формальных маркеров,

позволяющих отличить истинные высказывания от ложных [Трунова, 1991: 7] *. По мнению Ф. Джонсона-Лэрда, принципиальная бесконечность возможных миров делает невозможным их обработку человеческим сознанием, а жизнеспособной альтернативой им могут служить описываемые Джонсоном-Лэрдом ментальные модели, способные к трансформации и адаптации к меняющимся условиям коммуникации [Johnson-Laird, 1988]. Другой альтернативой может служить выдвинутая в когнитивной лингвистике концепция ментальных пространств, основное отличие которых от возможных миров коренится в их концептуальной природе. Как пишет Дж. Лакофф, пространства не обладают онтологическим статусом вне мышления и, следовательно, не играют никакой роли в объективистской семантике. В отличие от возможных миров ментальное пространство не относится к числу таких сущностей, которым в качестве примера можно сопоставить реальный мир или его часть. Отсюда, ментальные пространства не могут функционировать в теории значения, основывающейся на отношениях между символами и вещами, реально существующими в мире, что составляет суть логической семантики [Лакофф 1995: 173].

Сказанное убеждает в том, что давно уже назрела необходимость дать принципиальную оценку как школе аналитической философии, так и, шире, применимости логических подходов и методов к анализу естественного языка, ибо без такой оценки невозможным окажется решение как общелингвистических проблем, так и анализ языковой семантики. Относительно аналитической философии приведём полностью разделяемое нами мнение Я. Келемена: “Можно констатировать, что результаты, к которым пришла в своём внутреннем развитии аналитическая философия, создали, вне всякого сомнения, зияющий разрыв между философским и лингвистическим подходом к языку” [Келемен, 1977: 107]. Проблема истинности, центральная для аналитико-философского направления получила критический отзыв со стороны Ч. Филлмора, который утверждает, что семантика, в основе которой лежат истинностные процедуры, снабдила лингвистику антиинтуитивным представлением о пресуппозиции и истине и вывела за их пределы многие аспекты понимания языка [Филлмор, 1988: 53].

Развёрнутую критику школы аналитической философии даёт и В.А. Звегинцев, который пишет: “Недостаток этой философской школы заключается, однако, в том существенном факте,

* Наряду с учеными, ставящими проблему истинности в центр лингвистической проблематики, и теми, кто признает данную проблему для лингвистики иррелевантной, существует и третья группа исследователей, представители которой не отказывают проблеме истинности в релевантности для лингвистической проблематики, однако делают при этом существенные оговорки. Так, Дж. Лайонс при определении критерия истинности предложения говорит о необходимости учета его контекста [Lyons 1981], а некоторые представители пражской школы считают необходимым при определении критериев истинности предложения учет прагматического фактора [Sgall., Hajičová, Paněnová 1986].

что на место мышления она поставила логику. А логика, конечно, несопоставима с мышлением в силу уже того обстоятельства, что наиболее сильной стороной мышления, по-видимому, является его способность действовать как раз наперекор логике. Любые логики, кроме того, располагают слишком скудными и слишком слабыми средствами даже и для статического описания языка и его концептуального богатства. Ведь по сути дела всякая логика также представляет собой всего лишь язык, хотя и более строгий, чем естественный язык, но значительно более элементарный, чем этот последний. Поэтому всякая попытка логического представления естественного языка не может претендовать на адекватность и подобна попытке воспроизвести всё красочное многообразие произведения живописи средствами графической линии. Что же касается объяснительных возможностей логики в проблеме языка и мышления, то они оказываются ещё более сомнительными, хотя бы уже потому, что логика не знает той многозначности отношений, которые существуют в описанном выше триединстве. Связывая мышление жесткими формами правил, которые должны обеспечить мышлению нормативную строгость, логика в контексте разбираемой нами проблемы в лучшем случае может быть определена как орфография мысли. А всякая орфография при всей её практической пользе, как известно, условна и находится вне динамики живой речи” [Звегинцев, 1986: 32-33].

Продолжая далее тему применимости логических методов в языкознании отметим что, несмотря на имеющиеся попытки показать, например, комплементарность понятий предикатной логики и семантики предложения [Москальская, 1981: 18], превалирующим, похоже, является мнение даже среди логиков о том, что не только логика предикатов, но и вообще никакая другая логика не может непосредственно охватить всё бесконечное и постоянно меняющееся разнообразие конкретных обстоятельств употребления языковых символов [Петров, Переверзев, 1993: 7]. Проявлением логической природы языка многие учёные считают дихотомичный, бинарный принцип его структурной организации (см., напр., [Бюлер, 1993: 73]), однако, и эта точка зрения подвергается в последние годы серьёзной критике, т.к. “гибкость и подвижность языковых знаков в плане их соответствия определённым участкам категориального континуума ставит под сомнение оппозитивный принцип формирования языковых категорий и позволяет предположить нежёсткий характер языковой таксономии в целом” [Болдырев, 1994: 54]. К тому же следует помнить, что в лингвистике фундаментальным остаётся разграничение между языком и речью, в то время как логика от этого разграничения абстрагируется – для логики текст (речь) задан, если задан язык [Попович, 1989: 96].

Отсюда следует, что семантика логико-математическая и семантика лингвистическая приложимы к двум принципиально разным объектам: первая – к однозначно

интерпретируемым формализованным языкам, вторая – к естественному языку, однозначная интерпретация единиц которого без обращения к контексту невозможна [Вяткина, 1991: 48]. Как писал ещё в 1964 году Л. Антал, значительное недопонимание в отношении языковой семантики возникло потому, что в логике развилась одноимённая область исследования. Логическая семантика, полагает Антал, не только не в состоянии заменить собой лингвистическую семантику, но фактически не может дать сколько-нибудь значительного стимула для её развития, поскольку её объект совершенно отличен, хотя некоторые представители логической семантики воображают, что они исследуют значение языка. Таким образом, их объекты различны, что обуславливает их независимое раздельное существование. Однако, заключает учёный, это имеет и другое следствие, а именно: что методы логики, за исключением лишь некоторых случаев, не могут, в целом, быть применены в лингвистике, потому что они были разработаны для объекта совершенно другой природы [Antal, 1964: 9].

По справедливому замечанию М.В. Никитина, “формальная (символическая, математическая) логика предлагает замкнуться уровнем символов, и это побуждает к осторожности в принятии её допущений для объяснения механизмов естественного языка” [Никитин, 1996: 651]. В свою очередь, Г. Гийом настаивал, что лингвист не должен интересоваться логикой языка, так как логика, по его убеждению, это вымышленное движение вещей, в котором не учитываются дорожные происшествия и те помехи, которые вещи привносят вместе с собой. “Логика – это воображаемая простота. Не знаю, каким был бы язык, построенный по этой воображаемой линии. Не могу этого знать, такого языка не существует. Знаю только то, что наблюдаемый язык не следует такой прямой дорогой. Дорога, которой он следует, - это путь когерентности, где случаются дорожные происшествия, ошибки на уровне мысли, речи и письма” [Гийом, 1992: 18-19].

Отчего же именно логика стала той призмой, сквозь которую на протяжении многих веков осуществлялся взгляд на язык? Думается, что ответом на этот вопрос могло бы стать критическое осмысление той роли, которую в истории лингвистической мысли сыграл Аристотель. Известно, что именно Аристотелю принадлежат первые научные идеи об устройстве языка, и что именно он впервые сделал язык объектом научного познания. Влияние аристотелевской традиции в языкознании поэтому огромно – последние две с половиной тысячи лет всякое лингвистическое направление так или иначе «возвращалось к истокам», пытаясь освятить свои методологические установки авторитетом античной древности. Аристотелевский же подход к языку был подходом логика, интересовавшегося в основном такими сущностями, как силлогистика, проблема истинности и ложности, логическая непротиворечивость и т.д. Всей лингвистике, таким образом, был изначально задан логический

крен, который лишь во второй половине 20 века лингвистика, кажется, начала преодолевать. Замечательно по этому поводу пишет Т. де Мауро: «При первой оценке того положительного, что дала языковая концепция Аристотеля, мы не должны, однако, забывать о тех следствиях культурного и логического порядка, которые она повлекла за собой. С точки зрения истории лингвистической культуры аристотелевская концепция оказала противоположное воздействие на двух ее последовательных этапах. При своем возникновении она воспринималась как призыв к учету важности языковых форм на фоне их обесценивания у Платона; для самого Аристотеля, для его непосредственных последователей и противников в лице античных стоиков тот призыв воплотился в пристальный, глубокий интерес к фактам языка. Именно благодаря Аристотелю в среде перипатетиков и стоиков возникли и оформились в систему, просуществовавшую долгие века, фундаментальные понятия фонологии, морфологии и синтаксиса <...>. Но в более дальней перспективе концепция Аристотеля <...> оказала влияние в ином направлении: начиная с эпохи древних греков и римлян и до наших дней она душила всякий интерес к специальным лингвистическим исследованиям» [Мауро 2000: 43]. Из удушающих объятий логики, стремящейся, по сути, выхлостить из лингвистики язык, и пытается вырваться языкознание последних десятилетий.

Приведённые наблюдения наталкивают на вполне определённые выводы относительно статуса логики как науки об универсальных законах человеческого мышления и об её субстратной роли в отношении категории языка. Так, Джонсон-Лэрд выделяет следующие шесть проблем ментальной логики:

1. Люди делают ошибочные выводы;
2. Какого рода логика или логики находятся в нашем сознании?
3. Каким образом логика формулируется в сознании?
4. Каким образом логическая система возникает в сознании?
5. Какие из имеющихся в психологии данных подтверждают тот факт, что вывод всегда непосредственным образом связан с содержанием исходных посылок?
6. Человек следует экстра-логической эвристике, когда делает спонтанные выводы. По всей вероятности он руководствуется принципом “поддержки семантического содержания” посылок, но выражает, формулирует вывод в более экономичной лингвистической форме.

Не отвергая в целом доктрину ментальной логики, автор вместе с тем считает, что наступило время для радикально иной концепции вывода, а именно: стоит отказаться не от той идеи, что человек способен к рациональному мышлению, а от идеи, что основанием этой способности является ментальная логика. Возможно мышление без логики. Что удивительно, - замечает Джонсон-Лэрд, - так это то, что мышление без логики может быть вполне адекватным.

Отбросив поиски ментальных правил вывода, становится возможным обратиться к психологическому аспекту мышления и развить теорию механизмов вывода, из которых автоматически следуют эвристические принципы мышления [Johnson-Laird, 1983: 39-40]. “Тезис, который я защищаю, - заявляет учёный, - состоит в том, что мышление обычно осуществляется без обращения к ментальной логике с её правилами формального вывода” [там же: 41]. Люди обычно не мыслят истинностно-функциональным образом – это является возможным способом мышления, но не превалирующим [там же: 51]. (Заметим, что мысль о неединственности алгоритмов мышления не отвергается теперь и самими логиками: “Существует столько типов логик, сколько существует типов научных задач, вынуждающих наше сознание структурно и функционально перестраиваться для эффективного и адекватного их решения” [Жоль, 1990: 189]).

Что же предлагается взамен логики с её правилами формального вывода? Джонсон-Лэрд выдвигает на первый план в качестве такой альтернативы выше упомянутую концепцию ментальных моделей, конструируемых людьми в процессе мышления и коммуникации. Ментальные модели, по которым люди думают, более напоминают концептуализацию событий, чем цепочку символов, прямо соответствующую лингвистической форме посылок логического суждения. Мышление состоит не в том, чтобы вскрыть логические формы посылок, а затем применить к ним правила вывода с целью прийти к заключению. Это даже не есть процесс подстановки истинностных значений для конstituентов пропозиции и выведения значимости состава пропозиции. Суть процесса состоит в интерпретации посылок как ментальных моделей, которые принимают во внимание общие знания, и поиске контр-примеров для заключений с помощью построения альтернативных моделей посылок. Единственным примером истинностной функции, по которой люди думают в повседневной жизни, это когда мир ведёт себя “истинностно-функционально”, т.е. по “логике” так называемых контактно-релейных схем. Реальные утверждения в реальных контекстах лишь иногда порождают такого рода истинностно-функциональные выводы [Johnson-Laird, 1983: 53-54]. В целом, как справедливо полагает Р.Кемпсон, не истинностное значение пропозиции предопределяет значение предложения, а наоборот, именно лингвистическое значение предложений в значительной степени предопределяет условия истинности пропозиции, которую они могут выражать [Kempson 1986: 78].

На алогичную природу концептуальных сущностей, составляющих каркас мышления и естественный субстрат категории языка указывает Т. Виноград [Виноград, 1983: 154-155]; он же и Ф.Флорес говорят, что явления фона и интерпретации пронизывают всю нашу

повседневную жизнь, а значение (семантика) всегда производно от интерпретации [Виноград, Флорес, 1995: 220].

Итак, концепция семантики, заимствованная лингвистикой из логики и некритично ею усвоенная, оказывается при ближайшем рассмотрении малопродуктивной, затемняющей суть дела и не отвечающей потребностям лингвистического анализа. Многие проблемы лингвистической семантики коренятся в том, что усвоив семиотический термин “семантика”, лингвистика стала применять его без должного переосмысления к своему собственному материалу, специфика которого заключается в том, что в отличие от прочих знаковых систем, для которых верно определение семантики, как отношение знака к обозначаемому объекту, для знака языкового такое определение является принципиально неполным и неоправданно упрощённым. Следует со всей определённостью подчеркнуть, что знаки языка непосредственно отражают не объективный мир, а нашу концептуализацию этого мира. Коль скоро концептосфера являет собой обработанный сознанием когнитивный слепок с объективного мира, то именно она и должна быть признана объектом лингвистической семантики. Как справедливо замечает А. Вежбицкая, предметом семантики является не реальный мир, а концептуализация мира. Говорить о том, что те или иные различия – это “всего лишь различия в концептуализации”, значит забывать или не хотеть признать, что первостепенный и наиболее существенный предмет лингвистики составляет именно концептуализация... Язык отражает мир только косвенным образом. Он отражает непосредственно нашу концептуализацию мира [цит. по Селиверстова, 1982: 10].

С. ДеЛанси также отмечает, что семантика конструкций как уровня предложений, так и уровня дискурса коренится в когнитивной репрезентации, предваряющей оба уровня, которые, в свою очередь, не являются производными друг от друга. И семантические, и функционально-дискурсивные факты являются отражением лежащих в их основе когнитивных схем, освещение которых должно быть конечной целью семантики и анализа дискурса [DeLancy 1987: 54]. Лингвистическая семантика поэтому не может не быть, с одной стороны, когнитивной, то есть ориентированной на закономерности мышления и, в частности, концептуализации, а с другой стороны, прагматической, ибо отражает, концептуализирует и оперирует языковыми знаками не сам язык, а человек – носитель языка. Т. де Мауро высказывается по этому поводу следующим образом: «Наша многовековая традиция почти всегда упускала из виду, что в действительности формы языка вовсе не наделены каким-либо внутренними семантическими свойствами, - они всего лишь более или менее хитроумные орудия, приспособления, лишенные жизненности и ценности, если не находятся во владении человека и исторической общности людей, которые ими пользуются. Иными словами, ошибка кроется в утверждении и в вере в то,

что слова и предложения что-то означивают; означивают только люди, используя слова и предложения. Не в самых языковых формах, а в обществе, которое ими пользуется, следует искать гарантии успешной означивающей и коммуникативной деятельности. Если проследить все следствия, вытекающие из такого взгляда, то прежде всего исчезнет призрак некоммуникабельности, и тогда станет возможным построить семантику на солидной историко-критической основе, семантику как теорию означивающей деятельности в её исторически обусловленных формах» [Мауро 2000: 31].

Исходя из этого, объективистскую, логико-семиотическую в своей основе точку зрения на значение, как нечто внеположенное человеку, несмотря на её глубокую укоренённость в нашей интеллектуальной традиции, следует решительно пересмотреть, ибо её принятие приводит к следующим выводам: люди второстепенны при изучении значения; люди умеют как-то “подключаться” к автономному разуму; разумное мышление можно рассматривать как алгоритмическую манипуляцию с символами [Ченки, 1997: 346]. Напротив, субъективистская концепция значения в полной мере учитывает фактор пользующегося языком человека и делает своим предметом реальные познавательные процессы [Langacker, 1990b].

Таким образом, мы солидарны с когнитивным взглядом на семантику, который вкратце может быть охарактеризован следующим образом. Значение, как было указано выше, при данном подходе приравнивается к концептуализации, которая включает в себя как устоявшиеся, так и новые концепты; сенсорный, двигательный и эмоциональный опыт индивида; установление непосредственного контекста (общественного, физического и языкового), и так далее [см. Ченки, 1997: 357]. Действительность проецируется в семантику естественного языка, в результате порождается то, что Р. Джакендофф называет “спроецированным миром”, который отличается от мира действительности, во-первых, в силу специфических особенностей человеческого организма вообще, а во-вторых, в силу специфики конкретных культур [см. Рахилина, 1997: 372]. Р. Лангакер, внёсший, пожалуй, наиболее значительный вклад в разработку проблем когнитивной семантики, формулирует помимо перечисленных следующие тезисы: часто употребляемое выражение обычно реализует сеть взаимосвязанных смыслов; семантические структуры характеризуются относительно “когнитивных областей”; семантическая структура получает свою значимость посредством наложения так называемого “профиля” на “основу”; семантические структуры включают в себя условную “образность”, то есть они представляют ситуацию определённым образом. Одним из центральных понятий когнитивной семантики является понятие “области”, то есть своего рода ментального контекста, в котором осмысляется и вербализуется конкретная ситуация. Среди основных областей есть опыт времени и способность концептуализировать конфигурации в 2-х

и 3-х мерном пространстве. Эти и некоторые другие области являются базовыми, когнитивно нередуцируемыми; предположительно именно с них мы начинаем конструировать нашу ментальную вселенную, приходя к всё более высоким уровням концептуализации [Langacker, 1988: 49-55].¹

Из сказанного следует, что семантическая структура не является отдельным или автономным “модулем” психологической организации, которую можно вынуть и изучать в изоляции от всей богатой ткани нашего мыслительного опыта. Лангакер замечает, что рассмотрение семантической структуры как самостоятельного, алгоритмически описываемого компонента лингвистической системы теоретически удобно, но в то же время это неизбежно обедняет и искажает предмет описания радикальным образом [Langacker, 1988: 56].

Выше уже указывалось, что когнитивный подход к семантике не может не быть одновременно и прагматическим. Это следует из отказа когнитивистами проводить чёткую разграничительную линию между лингвистическими и нелингвистическими (энциклопедическими) знаниями. По этому поводу Лангакер высказывается в том смысле, что существование такой чёткой границы было признано на методологической (а не фактологической) основе; только при таком подходе семантическая структура (и вообще лингвистическая структура) могут быть описаны как самостоятельная система, пригодная для алгоритмического формального подхода. Однако теоретическое удобство не образует эмпирического свидетельства. Лангакер не видит никакой априорной причины принять реальность дихотомии семантика/прагматика. Вместо этого он принимает энциклопедическую концепцию лингвистической семантики, элиминируя, таким образом, границу между нашим лингвистическим и экстралингвистическим знанием сущности, обозначенной словом; при наличии границы по одну её сторону располагаются семантические спецификации, а по другую – прагматические. Гораздо более реалистичным учёный полагает постулирование градации “центральности” в спецификациях, составляющих наши энциклопедические знания. На уровне когнитивной обработки центральность может быть эксплицирована как вероятность того, что определённая спецификация будет активирована в конкретном случае употребления слова [там же: 56-58].

Ещё одним важным вопросом когнитивной семантики является уже упомянутая теория образности. Под образностью понимают не визуальную или сенсорную образность; этот термин относится к нашей удивительной способности “структурировать” или “рассматривать”

¹ Подробный анализ категорий когнитивной семантики (в её американском варианте) в сопоставлении с соответствующими им категориями, принятыми в отечественной семантической школе, см. [Рахилина 2000].

воспринимаемую ситуацию самыми разными способами [Langacker, 1988: 63,65]. Языковым рефлексом этой способности будет, в частности, наше умение обозначать в форме предложения концептуализируемую ситуацию с различной степенью дробности, под разным углом зрения и варьирующей фокусировкой.

Помимо уже упомянутых постулатов когнитивной семантики А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский формулируют и следующие: постулат о тенденции к экономии усилий, постулат о множественности воплощения когнитивных структур в языке, постулат о неоднородности плана содержания языкового выражения, постулат о множественности семантического описания, постулат о значимости нестандартных употреблений [Баранов, Добровольский 1997].

Охарактеризовав вкратце одни и обозначив другие постулаты когнитивной семантики, попытаемся обосновать её валидность не только с позиций теоретических, но и эмпирических. Эмпирическое обоснование предполагает привлечение данных в первую очередь нейронаук с их инструментально-экспериментальной базой. Именно по пути анализа достижений в области изучения структур мозга пошла, по свидетельству Л. Янды, философ П. Черчлэнд, ставя перед собой задачу выяснить, каким образом, результаты данных исследований можно применить к теориям значения и познания и создать единую науку, занимающуюся мозгом-сознанием под названием «нейрофилософия». Черчлэнд обнаружила, что результаты исследований в нейробиологии противоречат привычной и прочно укоренившейся компьютерной метафоре для ментальных репрезентаций и процессов обработки информации. Более невозможно утверждать, что мозг хранит и обрабатывает конечные единицы информации в виде последовательностей, содержащих значительное количество дискретных единиц. Процесс обработки сигнала станет при этом астрономически трудным. Учитывая то, что известно о скорости, с которой нейроны возбуждаются и о количестве этапов, необходимых для решения обычной проблемы (например, достать какой-то предмет рукой), для представления всей операции в виде линейной последовательности, как это делает цифровой компьютер, требуется предусмотреть время совершения операции на несколько порядков большее, чем время, фактически затрачиваемое мозгом при выполнении такого рода заданий. Оказывается, что мозг не хранит информацию в «центрах», а выполняет это задание, используя сети кодирующих информацию нейронов. Каждый раз, когда осуществляется доступ к любой части сети, активируется (возбуждается) вся сеть. Решение проблемы осуществляется не как последовательная обработка, а скорее как матричное умножение, т.е. модель активности одной нейронной сети проецируется на другую. Это известно как теория тензорной сети, которая обеспечивает возможность принятия относительно простого решения для преобразования векторной информации в такую, которая

необходима для того, чтобы, например, поймать мяч (что включает в себя координацию движений мяча и руки). Научное доказательство состоятельности этой теории обеспечивается исследованиями анатомии мозга и экспериментами в области его нейронной структуры и, вдобавок, данная теория даёт интуитивно правдоподобное объяснение деятельности мозга. Вообще говоря, мы не осуществляем векторные исчисления, когда ловим мяч, мы просто соотносим наше восприятие движения мяча с мускульными движениями руки, с тем, чтобы рука перехватила мяч в его движении, или, другими словами, мы, по-видимому, проецируем воспринимаемое движение на мускульное движение. Открытие того, что нейроны пластичны, их информационно релевантные части увеличиваются и сжимаются (и это оказывается существенной характеристикой их функционирования как сущностей обработки информации), проливает свет на принципы усвоения информации мозгом. Теоретические рассуждения в рамках логики множеств и логики символов имеют своим следствием тот вывод, что мозг просто добавляет всё больше и больше единиц информации. Однако теория тензорной сети показывает, что усвоение информации мозгом предполагает расширение нейронных сетей, и это имеет следствием автоматическую интеграцию новой информации в существующие модели – процесс, трудно поддающийся объяснению с позиций логического эмпиризма.

Получившие широкую известность работы Э. Рош и её коллег, освещающие вопросы категоризации естественных классов, доказывают состоятельность заявления о психологической реальности структуры значения, сделанного позиций когнитивной семантики, а нейробиологические исследования идут ещё дальше, показывая, что когнитивная теория значения опирается на физическую реальность (на основе анализа анатомии и функции мозга). Ясно, резюмирует Янда, что фундаментальные посылы когнитивной семантики по меньшей мере совместимы с данными нейробиологов и психологов, и фактически даже более совместимы, чем постулаты других современных семантических теорий [Janda 1993, 8-9].

В заключение подчеркнём, что именно когнитивно-прагматический подход к семантике делает её изучение задачей собственно лингвистической, а не логико-семиотической, позволяет в собственно лингвистических терминах описать концептуальный субстрат языка и открывает новые широкие возможности для понимания механизмов его функционирования.

БАРАНОВ А.Н., ДОБРОВОЛЬСКИЙ Д.О., 1997. Постулаты когнитивной семантики // Известия РАН. Сер. лит. и яз. Т. 56, № 1.

БОЛДЫРЕВ Н.Н., 1994. Категориальное значение глагола: Системный и функциональный аспекты.

- БЮЛЕР К., 1993. Теория языка: Репрезентативная функция языка. М.
- ВИНОГРАД Т., 1983. К процессуальному пониманию семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика / Сост. В.А. Звегинцева; Пер. с англ. под ред. и с предисл. Б.Ю. Городецкого. М.
- ВИНОГРАД Т., ФЛОРЕС Ф., 1995. О понимании компьютеров и познания // Язык и интеллект / Сост. и вст. ст. В.В. Петрова. М.
- ВЯТКИНА Н.Б., 1991. Смысл и онтология в логике. Киев.
- ГЕТМАНОВА А.Д., 1995. Логика. М.
- ЖОЛЬ К.К., 1990. Язык как практическое сознание (философский анализ). Киев.
- ЗЕГЕТ В., 1985. Элементарная логика. М.
- КЕЛЕМЕН Я., 1977. Текст и значение // Семиотика и художественное творчество. М.
- КОНДАКОВ Н.И., 1976. Логический словарь-справочник. М.
- ЛАКОФФ Дж., 1995. Когнитивное моделирование // Язык и интеллект / Сост. и вст. ст. В.В. Петрова. М.
- ЛОСЕВ А.Ф., 1970. О пределах применимости математических методов в языкознании // Ленинизм и теоретические проблемы языкознания / Отв. ред. Ф.П. Филин. М.
- МАУРО Т. де., 2000. Введение в семантику / Перевод итальянского Б.П. Нарумова. – М.: Дом интеллектуальной книги. – 240 с.
- МОСКАЛЬСКАЯ О.И., 1981. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка). М.
- НИКИТИН М.В., 1996. Курс лингвистической семантики. СПб.
- НИКИТИН М.В., 1997. Пресуппозиция в языке и языкознании // Сб. ст. *Studia Linguistica* – 4. Языковая система и социокультурный контекст / Отв. ред. В.М. Аринштейн, Н.А. Абиева. СПб.
- ПЕРЦОВ Н.В., 1998. К проблеме инварианта грамматического значения. I. (Глагольное время в русском языке) // *Вопр. языкознания*. № 1.
- ПЕТРОВ В.В., ПЕРЕВЕРЗЕВ В.Н., 1993. Обработка языка и логика предикатов / Отв. ред. В.В. Целищев. Новосибирск.
- ПОПОВИЧ М.В. (отв. ред.), 1989. Структура и смысл / формальные методы анализа в современной науке. Киев.
- РАХИЛИНА Е.В., 1997. Основные идеи когнитивной семантики // *Фундаментальные направления современной американской лингвистики* / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной. М.

- РАХИЛИНА Е.В., 2000. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия РАН. Сер. лит. и яз. Т. 59, № 3.
- СВИНЦОВ В.Л., 1987. Логика. М.
- СЕЛИВЁРСТОВА О.Н. (отв. ред.), 1982. Семантические типы предикатов. М.
- СОССЮР Ф. де, 1977. Труды по языкознанию. М.
- СТЕПАНОВ Г.В., 1988. Язык. Литература. Поэтика. М.
- ТРУНОВА О.В., 1991. Природа и языковой статус категории модальности /на материале английского языка. Барнаул – Новосибирск.
- ФИЛЛИМОР Ч., 1988. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М.
- ЧЕНКИ А., 1997. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / Под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой и И.А. Секериной. М.
- DELANCY S., 1987. Transitivity in Grammar and Cognition // Coherence and grounding in Discourse / Ed. R.S.Tomlin. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. – P. 54-68.
- CRESSWELL M.J., 1988. Semantical Essays: Possible Worlds and Their Rivals. Dordrecht, etc.
- CRESSWELL M.J., 1996. Semantic Indexicality. Dordrecht, etc.
- HUANG C.-T.J., MAY R., 1992. Introduction // Logical Structure and Linguistic Structure: Cross-Linguistic Perspectives / Eds. Huang C.-T.J., May R. Dordrecht, etc.
- JANDA L.A., 1993. A Geography of Case Semantics. The Czech Dative and the Russian Instrumental. Berlin, New York.
- JOHNSON-LAIRD P.N., 1983. Mental Models: Towards a Cognitive Science of Language, Inference, and Consciousness / Ed. E. Warner. Cambridge (Mass.).
- JOHNSON-LAIRD P.N., 1988. The Computer and the Mind. An Introduction to Cognitive Science. Cambridge (Mass.).
- KEMSON R., 1986. Ambiguity and the semantics-pragmatics distinction // Meaning and Interpretation / Ed. C. Travis. – New York: Basil Blackwell. – P. 77-103.
- LANGACKER R.W., 1990. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin, New York.
- LANGACKER R.W., 1987. Foundations of Cognitive Grammar. Vol.1. Theoretical Prerequisites. Stanford.
- LANGACKER R.W., 1990. Subjectification // Cognitive Linguistics / Berlin; New York.
- LANGACKER R.W., 1988. View of Linguistic Semantics // Topics in Cognitive Linguistics / Ed. B. Rudzka-Ostyn. Amsterdam/Philadelphia.

- Lyons J. *Language, Meaning, and Context*. – Bungay, Suffolk: Fontana Paperbacks, 1981. – 256 pp.
- RUDZKA-OSTYN (ed.), 1988. *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam/Philadelphia.
- SGALL P., HAJICOVA E., PANENOVA J. 1986. *The Meaning of the Sentence in Its Semantic and Pragmatic aspects*. – Dordrecht, etc.: D. Reidel Publishing Company.
- TALMY L., 1987. *Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // Language typology and syntactic description*. Vol. 3: *Grammatical categories and the lexicon* / Ed. T. Shopen. – Cambridge, etc.: Cambridge University Press.
- UNGERER F., SCHMID H.-J., 1996. *An Introduction to Cognitive Linguistics*.

Summary

A.A.Khudyakov

IN SEARCH OF SEMANTICS

The article deals with some general problems of semantic theory with particular emphasis on the varied connections between mathematical logic, logical semantics (truth conditional semantics) and linguistic semantics. The paper aims at showing inadequacy of applying principles and methods of logic and analytical philosophy to semantics of natural language. Cognitive semantics is discussed as viable alternative to the rigorously formalized descriptions of semantics based on mathematical and possible worlds type constructs.